

УДК 811.133.1

Е. К. Абрамова

Роль языка в процессе понимания/непонимания

Языку принадлежит огромная роль в процессе понимания/непонимания, однако не следует ее абсолютизировать. Язык может как способствовать, так и препятствовать пониманию. В статье предпринята попытка рассмотреть механизмы понимания/непонимания текста на естественном языке и текста в широком смысле слова (на языке жестов, эмоций, поведения и других способов человеческого выражения).

Ключевые слова: понимание, непонимание, естественный язык, текст как явление культуры.

Рассматривая проблему понимания/непонимания с лингвистической точки зрения, исследователь неизбежно сталкивается с вопросом о роли языка в этом процессе. Следует отметить, что эта роль оценивается отечественными и зарубежными учеными неоднозначно и носит дискуссионный характер.

Работа понимания/непонимания может быть отнесена к какому-либо аспекту объекта или субъекта: «...пониманию всегда подвергается некоторая информация об объекте (эмпирические и теоретические знания о нем), а не объект как таковой» [16, с. 102]. Наличие различных аспектов свидетельствует о существовании вариантов понимания. К классу предметов, которые можно понять или не понять, относится все то, что наделено смыслом. Понятия «смысл» и «понимание» оказываются «соотносительными и не могут рассматриваться в отрыве друг от друга. Вне понимания так же нет смысла, как и понимание есть усвоение некоторого смысла» [9, с. 155]. Носителями смысла являются продукты деятельности человека, в которые он вложил свои мысли, чувства, переживания, цели, желания: «...все предметы материальной и духовной культуры общества, все то, что испытало воздействие человеческого труда и хранит в себе отпечаток этого воздействия, — смысл» [15, с. 75]. То, что не создано человеком, не имеет смысла, следовательно, не может быть понято. К примеру, мы не способны понять явления природы, если не рассматриваем их с какой-либо определенной точки зрения (физической, религиозной, мифологической). В этом случае они могут быть приобщены к смыслам человеческой деятельности, а значит, могут быть поняты.

Таким образом, смысл создается одним человеком и проявляется в связи с другим, последний пытается ответить на вопросы, релевантные в той или иной ситуации: Что это? Зачем? Для чего? Почему? Какую ценность представляет для меня? Л. Г. Васильев отмечает, что «для установления понимания/непонимания определяющими являются субъект-субъектные отношения (лишь реализуемые через субъект-объектные типа “человек — текст”» [3, с. 39].

В рамках лингвистических исследований представляется целесообразным рассматривать текст как «образец такой сложной языковой формы, такого семиотического образования, которое побуждает нас к творческому процессу его понимания, его восприятия, его интерпретации, его додумывания...» [12, с. 81]. Текст — любое речевое высказывание независимо от объема, но непременно обладающее признаком завершенного смыслового единства и коммуникативной значимостью.

Французской писательнице и философу Ю. Кристевой принадлежит заслуга во введении понятия «интертекстуальность», означающего, что данный текст может быть понят только в связи с другими текстами, поскольку текст — это открытая структура, в которой прослеживаются следы других текстов [14]. Так, невозможно охарактеризовать

© Абрамова Е. К., 2012

все творчество писателя и понять его истинный талант, прочитав только одно его произведение; не всегда можно понять суть беседы, не зная ее контекста; в условиях устного общения важен зрительный контакт, так как работа понимания значительно облегчается, когда мы видим своего собеседника.

Среди французских лингвистов, занимающихся проблемами смысла и толкования, особая роль принадлежит Ф. Растье, который исследует понимание атрибутивных и дизъюнктивных тавтологий, неопределимых, абсурдных, ложных высказываний [18, с. 154—168]. Ученый постулирует приоритет понимания над непониманием: люди стремятся найти смысл даже в самых бессмысленных примерах. Атрибутивные (*Un homme est un homme*) и дизъюнктивные высказывания (*Il y a musique et musique*) имеют значение, следовательно, могут быть поняты при условии, что содержание тавтологических употреблений различается. Понимание неопределимых сообщений (*Le voisin dort*) возможно в случае уточнения их лингвистического или прагматического контекста. Возможность истолкования абсурдных предложений (*Le silence vertébral indispose le voile licite*) связана с восполнением семантических лакун путем приписывания им побочного значения на основе фиктивного прагматического переосмысления. Ложные или парадоксальные высказывания (*La figue mange l'âne*) рисуют мир «наизнанку, но контрафактический мир остается все-таки миром» [18, с. 170].

Если возможность понимания/непонимания словесных текстов не оставляет сомнений, то роль языка в этом процессе представляется неоднозначной. Проблема взаимосвязи языка и понимания встает не только в лингвистике, но и в философии, психологии и многих других дисциплинах. С одной стороны, понимание возможно благодаря языку. В. фон Гумбольдт отмечал, что не только взаимопонимание основано на языке, но и самопонимание: «...человек понимает себя только тогда, когда на опыте убедится, что его слова понятны также и другим людям» [8, с. 77]. Услышанное слово не просто сообщается, оно настраивает на понимание, стимулирует и облегчает его: «Язык как бы обретает прозрачность и дает заглянуть во внутренний ход мысли» [8, с. 171]. В свою очередь, Г. Риккерт утверждал, что понять другого человека нельзя, можно понять лишь то, что он говорит.

Безусловно, роль языка в понимании велика, однако ее не следует абсолютизировать. По словам Е. В. Сарычева, «могущество, гибкость и скрытая сила обычного языка имеют и свои противоположные стороны, свидетельствующие о его определенном несовершенстве. Если не считаться с этими особенностями, то можно попасть в так называемые языковые «ловушки». Трудности понимания обусловлены прежде всего аморфностью, многозначностью слов, выражений» [20, с. 41]. Это связано с использованием незнакомого слова, являющегося носителем общего смысла: «— *À quoi bon? Le mauvais œil? C'est ce mot qui te fait peur? Tu butes contre un mot inconnu et au lieu d'essayer de comprendre, tu restes là, dans le noir, les yeux écarquillés, appelant au secours les solides principes de Tante Rosie, et tu appelles en vain...*» [24, p. 84—85]; стилистических приемов (метафор, образных сравнений, персонификаций, метонимий, гипербол, литот, перифраз, иронии): «— *Du nouveau? On n'a pas mis la main sur mon ours, au moins? / — Quel ours? / — L'homme aux grands pieds*» [27, p. 62]; с употреблением различных местоимений: «— *...Et dis-moi enfin ce que tu penses de toute cette histoire. / — De quelle histoire? / — ...De cette fille qui m'appelle, puis me renvoie. De ce mourant qui se porte bien*» [28, p. 9].

Однако кроме естественного языка человек выражает себя в языке жестов, эмоций, в мимике, поведении и т.д. В широком смысле можно говорить о текстах несловесных, обращенных напрямую к зрению (географические карты, чертежи, произведения изобразительных искусств), к слуху (звуковая сигнализация, музыкальные произведения), к зрению и слуху одновременно (язык ритуала, театральное искусство, кино- и телеинфор-

мация). Такое понимание текста связывают с общей тенденцией трактовки культуры как сложного семиотического образования, которая прослеживается в трудах многих отечественных и зарубежных ученых: «Воспринять нечто как «текст» — значит воспринять это как феномен, имеющий внешние границы, заключенный в «рамку», все равно, обладает ли такая рамка физической очевидностью (как граница живописного полотна, знаки начала и окончания письменного текста, временные рамки лекции и т.п.) или примысливается нами как идеальный конструкт, позволяющий осознать текстуальную целостность данного коммуникативного опыта» [7, с. 284]; «Синтаксическая связь слов есть также слово, следовательно, речь, книга, литература, язык всего мира, вся культура — слово. В метафизическом аспекте ничто не мешает и космическую Вселенную рассматривать как слово, везде существенные отношения и типические формы в структуре слова — одни» [23, с. 382]¹. Таким образом, человек, взаимодействуя с другим человеком или анализируя собственные поступки, имеет дело с неким текстом, наделенным смыслом, который можно извлечь, понять, передать. Так, глядя на картину, мы пытаемся понять интенцию художника сквозь призму всего его творчества, его жизненных обстоятельств, страны, эпохи, сопутствующих исторических событий и т.д.

Исследование предметов понимания/непонимания ставит перед учеными неразрешимую на настоящий момент задачу касательно изучения изменения характера операций при понимании языковых и неязыковых сообщений: «...до сих пор неясно, корректно ли говорить о существовании единого универсального процесса понимания, который сопровождает и усвоение языкового материала, и любые акты познания и который, возможно, характерен вообще для любой деятельности человека» [16, с. 27]. Если это так, то черты понимания отражались бы не только в общении, но и, к примеру, в других видах деятельности. Отрицание данного положения означало бы необходимость введения новых понятий для обозначения понимания сообщений языкового и неязыкового характера. По мнению В. К. Нишанова, одним из возможных способов решения данной проблемы является выяснение того, связано ли понимание только с языковой стороной мышления, или оно имеет отношение и к неязыковым когнитивным структурам. Автор говорит о существовании двух альтернатив.

Первая альтернатива постулирует, что предметом понимания/непонимания может являться только языковая структура. Данное положение основано на том факте, что при понимании человек мысленно проговаривает, вступает в самокоммуникацию, поэтому при решении различных задач он осуществляет их «перевод» на естественный язык, который затем подвергает работе понимания [16, с. 28]. Этой точки зрения придерживается Х.-Г. Гадамер, согласно которому «не только процедура понимания людьми друг друга, но и процесс понимания вообще представляет собой событие языка — даже тогда, когда речь идет о внеязыковых феноменах или об умолкнувшем и застывшем в буквах голосе...» [6, с. 45]. Ж. Деррида, идеолог концепции сплошной текстуализации, или теории «текста без берегов», утверждает, что ничто не существует ни до, ни после языка. Поскольку язык является основой бытия, то мир — это бесконечный текст, все «текстуализируется» [10].

Вторая альтернатива сводится к тому, что предметом понимания/непонимания может быть не только языковая, но и неязыковая структура, без «перевода» последней на естественный язык. Принятие этой альтернативы означало бы, что понимание является «универсальной интеллектуальной процедурой» [16, с. 29]. Большое число научных исследований посвящено различным классификациям предметов понимания/непонимания. К примеру, Э. Сандиго Гросс, а вслед за ней Л. А. Ветюгова выделяют 4 тематических класса предметов понимания: ситуация, человек, язык, мир [19, с. 4]. Д. Фоллесдаль го-

¹ О тексте как семиотическом образовании см. подробнее [13].

ворит о существовании следующих групп: «люди (а также, возможно, некоторые животные); их действия, в том числе «речевые акты»; некоторые результаты этих действий, например языковые выражения (слова, предложения и т.д.); значения языковых выражений, доказательства, научные теории, а также такие, говоря словами В. Дильтея, «проявления человеческого духа», как живопись, скульптура, музыка и различного рода произведения искусства, разнообразные виды человеческой активности — игры, танцы и т.д., а также социальные институты; другие разнообразные объекты, о которых говорят, что они имеют значение, такие как небесные предзнаменования и т.д.; предметы, которые функционируют определенным образом (сложные устройства, например карманные калькуляторы), а также принципы их действия; различные физические процессы, подобные процессу осмотического давления, ситуации и многое другое» [22, с. 139—140]. Безусловно, объединение предметов понимания/непонимания в группы не способно составить их полную картину, но дает право утверждать, что все они взаимосвязаны и понимание одних предметов способствует пониманию других. Возможность интеграции предметов понимания/непонимания также свидетельствует о том, что они обладают общими признаками: смысловое единство, коммуникативная значимость, знаковый характер.

По нашему мнению, постановка языка как предмета понимания/непонимания в один ряд с миром и человеком является спорной, поскольку у субъекта нет цели понять собственно язык: «— Comment tout peut-il être aussi agréable? On ne voit jamais de gros poids lourds, d'encombres, pas d'usines, de fabriques. / — *Je ne saisis pas le sens de tous vos mots, et pourtant je devine votre pensée*» [26, р. 201]. Понимание текста на естественном языке — один из путей понять то, что за ним стоит: другой человек, ситуация, окружающий мир: «...истинная мудрость человека и его отношения к языку состоит в том, чтобы за словами, являющимися названиями предметов и явлений и заглавиями мыслей <...> видеть сами предметы, явления и мысли о них, подлежащие познавательной-критической оценке» [2, с. 105].

Существует так называемый «лингвистический горизонт», который ограничивает возможности человеческого понимания: «Человек находит себя внутри некоего “проекта языка”, который обуславливает возможность понимания одних областей реальности и делает полностью невозможным понимание других» [21, с. 41]. Язык — это своеобразный инструмент, который может, с одной стороны, помочь преодолеть непонимание, а с другой — являться одной из его главных причин. Язык всегда открыт, всегда незавершен, что оставляет место как для понимания, так и для непонимания. Такие крайние точки зрения свидетельствуют не только о противоречиях в языке, но и о противоречиях самой жизни. На это указывали представители нелогичной, трагикомической драмы, получившей название «театр абсурда» (С. Беккет, Г. Грасс, Ж. Жене, Э. Ионеско, Х. Пинтер и др.). Язык в произведениях театра абсурда предстает в виде парадоксов, клише, поговорок и других словесных игр, которые придают словам непривычные значения и ассоциации, нарушая тем самым постулаты детерминизма (причинно-следственные отношения), тождества (объект разговора не меняется), общей памяти: «— Oui, un cousin de Bobby Watson? / — Qui? Bobby Watson? / — *De quel Bobby Watson parles-tu? / — De Bobby Watson, le fils du vieux Bobby Watson l'autre oncle de Bobby Watson, le mort. / — Non, ce n'est pas celui-là, c'est un autre. C'est Bobby Watson, le fils de la vieille Bobby Watson la tante de Bobby Watson, le mort*» [25, р. 21—22].

Признавая, что естественный язык — одно из наиболее эффективных средств общения и передачи мыслей, многие ученые полагают, что он не способен выразить мысль в полной мере: «Речь по своему строению не представляет собой простого зеркального отражения строения мысли. Поэтому она не может надеваться на мысль как готовое платье.

Речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется» [5, с. 157]. «Часто «скорлупа слов» препятствует пониманию, затемняет подлинный смысл, в результате чего за словами не усматривается мысль» [1, с. 58]. «Во время перехода «от мысли к слову» может, с одной стороны, что-то теряться и отсеиваться, отсекается и устраняться, но может, с другой стороны, что-то приобретаться, рождаться, возникать. Это мы и называем формированием мысли» [11, с. 51]. Более того, ставится под сомнение сам термин «передача мыслей», «передача информации»: «Пламя свечи, от которого зажигаются другие свечи, не дробится: в каждой свече воспламеняются свои газы. Так, при понимании мысль говорящего не передается следующему: но последний, понимая слово, создает свою мысль, занимающую в системе, установленной языком, место, сходное с местом мысли говорящего» [16, с. 27]. Естественный язык, являясь универсальным средством общения, не способен воплотить идею говорящего во всем многообразии нюансов значений. Можно предположить, что выражаемая и понимаемая мысль строится в сознании участников общения, проходя через два «зигзага»: от мысли говорящего к языку и от языка к мысли слушающего. Такой сложный путь естественно предполагает потерю некоторых смысловых нюансов, но в действительности язык никогда не может служить серьезным препятствием для тех, кто хочет понять.

Людей, говорящих на одном языке, разделяет не язык, а различия в индивидуальном развитии, жизненном опыте, привычках, культуре, образовании, что зачастую является непреодолимым барьером, препятствующим истинному пониманию. Поэтому важен не только языковой, но и мыслительный, эмоциональный контакт.

Список использованной литературы

1. Бабушкин В. У. Об антропологической модели понимания // Понимание как философско-методологическая проблема (Материалы «Круглого стола». Часть третья) // Вопр. философии. 1986. № 9. С. 57—59.
2. Блох М. Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка // Преподаватель. XXI век. 2007. № 1. С. 101—105.
3. Васильев Л. Г. Текст и его понимание : учеб. пособие. Тверь : ТГУ, 1991. 68 с.
4. Ветюгова Л. А. Глаголы понимания в немецком, английском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004. 207 с.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М. : Лабиринт, 1999. 352 с.
6. Гадамер Х.-Г. Язык и понимание // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного : пер. с нем. / послесл. В. С. Малахова ; коммент. В. С. Малахова и В. В. Бибикина. М. : Искусство, 1991. С. 45—60.
7. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки по русской литературе XX в. М. : Наука, Издат. фирма «Вост. лит-ра», 1994. 304 с.
8. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили ; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. 2-е изд. М. : Прогресс, 2000. 400 с.
9. Гусев С. С., Тульчинский Г. Л. Проблема понимания в философии: Филос.-гносеол. анализ. М. : Политиздат, 1985. 192 с.
10. Деррида Ж. Différence / пер. Е. Гурко // Гурко Е. Н. Тексты de-конструкции. Томск : Водолей, 1999. С. 124—158.
11. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / отв. ред. Б. А. Серебренников ; АН СССР, Ин-т языкознания. М. : Наука, 1986. 156 с.
12. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1. С. 72—81.
13. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / сост. Р. Г. Григорьева ; под ред. С. М. Даниэля. СПб. : Академ. проект, 2002. 551 с. (Мир искусств).
14. Найман Е.А. Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века: Ж. Делез, Ж. Деррида, М. Дюффрен, А. Камю, Ю. Кристева, Э. Левинас, М. Мерло-Понти, Ж.-Л. Нанси, П. Рикёр. Томск : Водолей, 1998. 319 с.
15. Никифоров А. Л. Семантическая концепция понимания // Загадка человеческого понимания / под общ. ред. А. А. Яковлева ; сост. В. П. Филатов. М. : Политиздат, 1991. С. 72—94.

16. Нишанов В. К. Феномен понимания: когнитивный анализ / отв. ред. А. А. Брудный ; АН Киргизской ССР, Ин-т философии и права. Фрунзе : Илим, 1990. 228 с.
17. Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков : Изд. М. В. Потебни, 1905. 652 с.
18. Растье Ф. Интерпретирующая семантика / пер. с фр., примеч., предметно-именной указатель А. Е. Бочкарева. Нижний Новгород : Деком, 2001. 368 с.
19. Сандиго Гросс, Эстела дель Сокорро. «Поле понимания» в современном английском языке. Характерологическое исследование : дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1991. 154 с.
20. Сарычев Е. В. Герменевтика как философия и логика понимания // Вестн. университета. 2001. № 1(2). С. 29—48.
21. Столь А. Б. Человеческое понимание и его формы. Уфа : Вост. ун-т, 2004. 128 с.
22. Фоллесдаль Д. Понимание и рациональность // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. 18. Логический анализ естественного языка : пер. с англ. / сост., общ. ред. и вступ. ст. В. В. Петрова. С. 139—159.
23. Шпет Г. Г. Сочинения. М. : Правда, 1989. 608 с. (Из истории отечественной философской мысли).
24. Charles-Roux E. Oublier Palerme: Roman. P. : Éditions Bernard Grasset, 1966. 440 p.
25. Ionesco E. La cantatrice chauve // Théâtre I. P. : Éditions Gallimard, 1954. 332 p.
26. Sabatier R. Les enfants de l'été : Roman. P. : Éditions Albin Michel, 1978. 318 p.
27. Simenon G. Le chien jaune : Roman. M. : Éditions de l'École Supérieure, 1964. 140 p.
28. Soriano M. Le colonel introuvable : Roman. S.-P. : Éditions CARO, 1997. 120 p.

Поступила в редакцию 07.10.2012 г.

Елена Константиновна Абрамова, кандидат филологических наук
Оренбургский государственный педагогический университет
Факультет иностранных языков, кафедра романо-германской филологии и методики преподавания
иностранного языка
460844, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: helene2310@yandex.ru

E. K. Abramova

Role of the language in understanding/misunderstanding

The language plays an important part in mutual understanding, but we should not make this role absolute. The language can make it easy to understand people and at the same time prevent people from understanding each other. In the article we try to consider the device of understanding and misunderstanding the text in the natural language and the text in the wide sense of the word (in the language of gestures, emotions, behaviour and other ways of human expression).

Kew words: understanding, misunderstanding, language, text as a cultural phenomenon.

Elena Konstantinovna Abramova, Candidate of Philological Sciences
Orenburg State Pedagogical University
Faculty of foreign languages, Department of romano-germanic philology
460844, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: helene2310@yandex.ru